

Е. П. БРАНДИС

Советский

РОМАН

ЛЕНИНГРАД

ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Е. П. БРАНДИС

СОВЕТСКИЙ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ЛЕНИНГРАД

1959

ЛИТЕРАТУРА НАУЧНОЙ МЕЧТЫ

За последние десятилетия научно-фантастические романы и повести стали одним из самых популярных литературных жанров.¹ Ими увлекаются читатели всех возрастов, а особенно молодежь. И это естественно. Не говоря уж о сюжетной занимательности, научно-фантастические книги покоряют юных читателей романтикой созидательной деятельности, пробуждают стремление к знаниям, пытливость и жажду исследований. Трудно переоценить познавательную и воспитательную роль хороших художественных произведений, прививающих молодежи любовь к науке и веру в безграничные возможности познающего разума!

Советская научная фантастика, как и вся наша литература, уходит своими корнями в действительность. В лучших книгах этого жанра мы прежде всего видим вдохновенное додумывание того, что намечается в жизни. Фантастика — не только научное предвидение, но и воплощение поэтической мечты. Об этом хорошо сказал В. Маяковский в предисловии к поэме «Летающий пролетарий»:

В «Правде»

пишется правда.

В «Известиях» —

известия.

Факты.

Хоть возьми

да положи на стол.

¹ Слово «жанр» употребляется здесь не как родовое понятие (эпос, лирика, драма), а как условный термин, сближающий произведения по содержанию и способу изложения.

А поэта
интересует
и то,
лет что будет через двести
или —
через сто.

Стремление заглянуть в будущее, опираясь на реальные достижения и воображаемые перспективы науки и техники,— такова замечательная особенность научной фантастики. Но как бы далеко писателя ни уносило воображение, он не может и не должен уходить от основных требований современности. И, с другой стороны, если события в научно-фантастическом романе происходят в наши дни, это нисколько не мешает его устремленности к будущему. Чудесные машины и необыкновенные изобретения, еще не существующие в жизни, писатель-фантаст обычно изображает в действии, поэтизируя, таким образом, научные искания своего времени.

Интересные мысли о соотношении научной фантазии и науки высказал К. Федин в статье «К звездам», помещенной 12 октября 1957 года в газете «Правда» в связи с запуском первого искусственного спутника Земли:

«Наука идет к своим завоеваниям по ступеням — от разгадки к разгадке — с чрезвычайной последовательностью, без пропусков.

Научная фантастика пропускает подробности, детали своего восхождения к цели. Она берет от науки какое-нибудь исходное обоснование мысли, стремится быть логичной, но минуя ступени, не затрудняя себя неразгаданным, бросает мысль в капризный, почти совершенно свободный полет.

Разумеется, науке известны нечаянные открытия. Ей знакомо скачкообразное, зигзагообразное развитие. Однако генеральное движение ее — от одной закономерности к другой.

Но фантастика просто не могла бы существовать без нечаянностей и прекратилась бы, если бы попробовала научно обосновать свои утверждения шаг за шагом. Она живет свободой домыслов и не боится бездоказательности... Научная фантастика, в конце концов, есть смелое задание науке и технике».

Открывшиеся человечеству громадные перспективы научно-технического и социального прогресса безгранично расширили возможности научно-фантастической литературы. Соответственно изменились и масштабы мысли. В начале нашего столетия романы, в которых фигурировали таинственные машины, концентрирующие в себе огромную разрушительную энергию, казались читателю такой же сказкой, как и романы о межпланетных перелетах. В наши дни, когда человеческая мысль проникла в тайны атома и научилась управлять скрытыми в нем могущественными силами, когда завоевание околосолнечного пространства превратилось в реальную научную проблему, — авторы фантастических романов пытаются заглянуть в еще более отдаленное будущее и предвосхитить грядущие дерзания творческой мысли.

Фантасты давно уже «создали» звездолет, преодолевающий космические расстояния чуть ли не со скоростью света. Теоретическое обоснование фотонной ракеты, способной, соревнуясь с лучом света, достигнуть далеких звездных систем, показывает, что эта сверхфантастическая идея вовсе не абсурдна. Трудно бывает уловить, где кончается научная фантазия и начинается чистая сказка, ибо то, что вчера еще казалось вымыслом, сегодня облекается в математические формулы, инженерные эскизы и проекты. Даже самая пылкая фантазия имеет право на существование, если она не расходится с общим направлением научного и социального прогресса.

Впрочем, эту бесспорную истину подтверждает вся история научно-фантастической литературы, и говорить об этом приходится только потому, что до недавнего времени у нас была в ходу пресловутая «теория предела», последователи которой считали, что писатель-фантаст останется на почве социалистического реализма только в том случае, если будет соизмерять свою мечту с утвержденным пятилетним планом, если будет «доводить» только такие проблемы, которые уже решаются в лабораторных условиях. Эта абсурдная теория нанесла научной фантастике не меньший ущерб, чем «теория бесконфликтности» советской литературе в целом.

Романтическая окрыленность научной фантастики отнюдь не уводит ее в сторону от столбовой дороги советской литературы. Метод социалистического реализма дает возможность писателям-фантастам без боязни загляды-

вать в завтрашний день, смело приоткрывать завесу грядущего, не рискуя при этом погрузиться в бесплодные мечтания. Самый факт существования социалистического строя, успехи советской промышленности, науки и техники создали все необходимые предпосылки для появления научно-фантастического романа нового типа, где и фантазия, и наука служат задачам коммунистического воспитания.

За сорок с лишним лет советская научная фантастика не только сформировалась как отрасль многонациональной литературы социалистического реализма, но и выработала свои художественные традиции. С конца 1917 года и до наших дней советские писатели-фантасты опубликовали около семисот новых произведений. Преобладают среди них романы, повести и рассказы, но встречаются также научно-фантастические очерки, пьесы, киносценарии, поэмы и даже стихи. Наиболее значительные научно-фантастические произведения созданы авторами романов и повестей.

Летом 1958 года Союз писателей созвал Всероссийское совещание по научно-фантастической и приключенческой литературе. Участники совещания единодушно осудили всякие попытки оправдать художественную неполноценность тех или иных книг пресловутой «спецификой жанра».

Несмотря на то, что научно-фантастическая литература имеет свои исторически сложившиеся особенности, перед ней стоят те же задачи, что и перед всей литературой, как формой отражения общественной жизни в художественных образах. Поэтому глубоко заблуждаются те писатели и критики, которые полагают, что авторы приключенческих и научно-фантастических книг не обязаны заботиться ни о хорошем языке, ни о психологической разработке характеров, ни о глубоком рисунке образа. Возразить на это ошибочное мнение можно такими словами: «Книги высокой романтики и героики, полета мечты в будущее должны быть прекрасны во всем».¹

¹ «К итогам Всероссийского совещания по научно-фантастической и приключенческой литературе». — «Комсомольская правда», 8 июля 1958 года.

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ И ПОВЕСТИ ДВАДЦАТЫХ — ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Дореволюционная Россия, с ее слаборазвитой промышленностью, отсталой техникой и преобладанием аграрных отношений, не могла создать благоприятных условий для расцвета отечественной научной фантастики. Ученые, инженеры, изобретатели составляли сравнительно узкую корпорацию. Царское правительство скорее тормозило, чем стимулировало их деятельность. Интересы науки не совпадали с устремлениями государства и церкви. Достижения ученых не предавались широкой гласности.

Если говорить о национальных традициях, то непосредственными предшественниками советских писателей, авторов научно-фантастических произведений, были, в первую очередь, великие революционные просветители-демократы, мечтавшие о будущей социалистической России, о творческом труде ее свободных граждан, которые построят новые прекрасные города и при помощи «умных машин» преобразуют природу. Знаменитый «Четвертый сон Веры Павловны» в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» — выражение не только социальной, но и научно-технической фантазии.

Пионером научной фантастики в России следует считать В. Ф. Одоевского. В незаконченном утопическом романе «4338-й год. Петербургские письма» (1840) технический прогресс и просвещение положены в основу общественного развития. В России сорок четвертого века ученые нагревают и охлаждают по мере надобности атмосферный воздух, гигантские вентиляторы изменяют направление ветров, огнедышащие сопки превращены в неостывающие горны для обогрева Сибири, «электроходы» и управляемые аэростаты позволяют быстро преодолевать большие расстояния и т. п. Кроме Одоевского, научно-фантастические произведения писал в те годы, пожалуй, только американский романтик Эдгар По. Жюль Верн выступил как научный фантаст спустя почти четверть века.

В начале XX века в России появилась своя фантастическая беллетристика. Можно было бы назвать не мало произведений отечественной дореволюционной фантастики, но ни одному из них не суждено было завоевать широкую популярность. Исключение составляет разве

лишь остросюжетная фантастическая повесть А. И. Куприна «Жидкое солнце» (1913), которая воспринимается как тонкая пародия на книги эпигонов Жюль Верна и Уэллса.

Если дореволюционная фантастическая беллетристика русских писателей в общем почти ничего не дала для советской литературы, то по-настоящему перспективными оказались самобытные научно-фантастические произведения русских инженеров и ученых, пропагандировавших в литературно-художественной форме свои научно-технические идеи. Это, например, рассказ-утопия «Не было, но и не выдумка» (1895) изобретателя-электрика В. Н. Чиколева, незаконченный роман инженера А. Родных «Самокатная подземная железная дорога между Санкт-Петербургом и Москвой» (1902) и др.

К. Э. Циолковский еще в девяностых годах опубликовал известные научно-фантастические очерки «На Луне» и «Грезы о Земле и небе» и уже при советской власти, в 1920 году, — повесть «Вне Земли».

«Патриарх звездоплавания» впервые дал художественное изображение физических явлений и ощущений, с которыми столкнулись бы люди, очутившись на Луне, астероидах и различных планетах солнечной системы. В яркой и занимательной форме он описал условия жизни в мире без тяжести, межпланетные полеты, «прогулки» пассажиров ракеты в скафандрах, богатейшие перспективы освоения людьми мирового пространства и создание «эфирных колоний» в космосе.

Если в первых двух очерках («На Луне» и «Грезы о Земле и небе») Циолковский не заботился о реалистическом обосновании сюжета, рисуя пребывание человека в космосе и на других мирах лишь как фантастическое «допущение» (например, все, что описано в очерке «На Луне», происходит во сне), то более поздняя повесть — «Вне Земли» — имеет уже развернутую, хорошо мотивированную фабулу, связанную с различными перипетиями межпланетного полета на составной пассажирской «ракете 2017 года» и организацией «эфирной колонии».

Исследованием космоса занимается здесь группа ученых разных национальностей: русский Иванов, француз Лаплас, англичанин Ньютон, немец Гельмгольц, американец Франклин, итальянец Галилей и швед Норденшельд. Они сплотились в «братскую семью», чтобы помочь лю-

дям завоевать Вселенную. Каждый из этих ученых вносит свою лепту в общечеловеческий прогресс.

Циолковский был наставником и вдохновителем многих писателей, которые черпали необходимые сведения из сокровищницы его трудов и нередко прибегали к советам великого ученого.

Одним из зачинателей советской фантастики был также выдающийся геолог и географ, академик В. А. Обручев. «Плутонию» он написал в 1915 году, но опубликовал только в 1924-м, когда уже близилась к завершению работа над вторым его романом — «Земля Санникова» (1926).

Романы Обручева замечательны научной достоверностью описаний природы, животного мира и растительности далекого прошлого Земли.

Наличие огромного палеонтологического заповедника в земных недрах Обручев мотивирует с помощью давно уже отвергнутой гипотезы Лесли о внутрипланетных пустотах с реликтовой флорой и фауной и со своим маленьким солнцем.

Как ни фантастично такое допущение, оно помогло автору «Плутонии» достигнуть поставленной цели — «дать нашим читателям возможно более правильное представление о природе минувших геологических периодов, о существовавших в те далекие времена животных и растениях в занимательной форме научно-фантастического романа» (послесловие автора к «Плутонии»).

В «Земле Санникова» Обручев нашел более убедительный сюжетный ход: гипотезу о существовании неоткрытой земли в Северном Ледовитом океане у Новосибирских островов писатель объединил с чукотским преданием о бесследно исчезнувшем племени онкилонов, остатки которого после войн с чукчами якобы уплыли на байдарках на север. Особые климатические условия на предполагаемой Земле Санникова понадобились автору для того, чтобы «воскресить» давно вымерших животных и людей каменного века, не говоря уж о легендарных онкилонах.

Романы Обручева привлекают поэзией и романтикой географических подвигов, впечатляющими картинами доисторического мира, причудливым совмещением реальности с фантастикой. Все это делает «Плутонию» и «Землю Санникова» классическими произведениями на-

учной фантастики, которыми зачитывается уже не одно поколение молодежи.

В двадцатых годах, преимущественно частными издательствами, было выпущено не мало псевдонаучной фантастической беллетристики. Эти книги, написанные в крикливых футуристических тонах, нередко проникнутые духом анархизма и реакционными идеалистическими идеями, давно уже канули в Лету. Но в те же годы формировалась и крепла революционная художественная литература.

В научной фантастике постепенно выкристаллизовывались новые черты, утверждались материалистические научные идеи, отделявшие ее от дурных буржуазных стандартов.

В создании советского фантастического романа на первых порах приняли участие многие литераторы, далекие по своему основному творческому направлению от научной фантастики. Чаще всего это были малоудачные и недостаточно серьезные попытки введения в авантурный сюжет элементов научного домысла. Таковы были романы писателей, чьи имена пользуются сейчас заслуженной известностью: В. Катаева «Остров Эрендорф» (1924) и «Повелитель железа» (1926), Вс. Иванова и В. Шкловского «Иприт» (1926), образцы «красного детектива», созданные М. Шагинян («Месс-Менд» и «Лори Лэн-металлист») и др.

На этом фоне выделяются знаменитые, по определению самого автора — «авантюрно-фантастические» романы А. Н. Толстого, до сих пор привлекающие читателей жизнеутверждающей революционной романтикой и мастерски построенным приключенческим сюжетом.

«Аэлита» (1922) — произведение с ярко выраженными чертами новаторства — по существу, открывает историю советского научно-фантастического романа. Решительно отказавшись от трафаретных схем, Толстой сводит до минимума научные и технические сведения, которые интересуют его только в связи с мотивировкой событий.

Самое главное в «Аэлите» — скульптурная лепка характеров, богатство и сочность языка, острая наблюдательность художника, тончайшее воспроизведение, при всей ее условности, обстановки действия. Все это вместе взятое, в соединении с увлекательным фантастическим сюжетом, создает сильное впечатление. В рамках фанта-

стического романа мы находим широкие социально-философские обобщения.

Герои Толстого, взятые из самой действительности, могут служить наглядной иллюстрацией замечательного искусства писателя-реалиста раскрывать типическое через индивидуальное, независимо от жанра произведения. Если в образе инженера Лося, с его колебаниями, сомнениями и тоской по родине, Толстой выразил свое понимание животрепещущей для него в тот период проблемы отношения интеллигенции к революции и народу, то бесстрашный красноармеец Гусев, вдохновивший марсиан на борьбу с тиранией диктатора Тускуба, воплощает, по мысли автора, обновляющую силу революции. Впервые в русской литературе Толстой поднял научно-фантастический роман до уровня большой литературы, и в этом его огромная заслуга.

В «Гиперболоиде инженера Гарина» (1925) и близкой к нему по содержанию повести «Союз пяти» (1925) Толстой продолжает ту же линию социальной научной фантастики, сатирически разоблачая диктатуру капиталистических монополий и сложившийся в условиях буржуазного Запада культ «сильной личности». Ученый и авантюрист Гарин, изобретатель очередной разновидности смертоносных лучей, а также и другие персонажи романа — миллионер Роллинг, его возлюбленная Зоя Монроз, шпион Тыклинский, белогвардеец Семенов — обрисованы в нарочито гротескных, шаржированно-пародийных тонах. Такой метод характеристики образов соответствует условным художественным приемам распространенного в те годы детективно-приключенческого романа, с его клочковатой композицией, стремительным развитием действия, частой сменой кадров, обрывающихся в момент наивысшего драматического напряжения.

«Гиперболоидом инженера Гарина» А. Толстой положил в советской литературе начало плодотворной традиции социально-фантастического романа-памфлета.

В жанре научно-фантастического романа в двадцатых и тридцатых годах много было сделано А. Р. Беляевым.

С 1925 по 1941 год этот писатель, годами прикованный к постели неизлечимой болезнью, опубликовал свыше пятидесяти произведений (среди них — более двадцати романов и повестей).

Творческий путь Беляева неровен. Наряду с хорошими вещами, выдержавшими проверку временем, он печатал иногда довольно слабые, поверхностные произведения (например, роман «Борьба в эфире»). Но в целом его литературная деятельность шла по восходящей линии, и только преждевременная смерть помешала ему раскрыть до конца новые идейные и художественные принципы, отчетливо наметившиеся в его поздних романах.

Говоря об Александре Беляеве, хочется прежде всего отметить широту его научных интересов, богатство и разнообразие научно-фантастических и социально-фантастических тем, затронутых в его книгах. Но дело, разумеется, не только в завидной широте кругозора. Важнее художественный метод писателя и достигнутые автором результаты.

Изображая невозможное как сбывшуюся реальность, он умеет, подобно Уэллсу, создавать иллюзию правдоподобия и выводить из фантастической гипотезы все далеко идущие последствия, как психологические, так и социальные. Вспомните реалистическое описание обстановки, в которой живет и мыслит отделенная от тела голова профессора Доуэля, или необыкновенные переживания и ощущения «человека-амфибии» Ихтиандра. Когда он долго находится на суше, у него «покалывает» в жабрах. Достаточно одной такой детали, чтобы сделать образ убедительным.

Фантастические эксперименты, изображенные в этих двух романах, вызвали особенно резкие возражения критиков. Беляев же отстаивал право писателя-фантаста на постановку смелой гипотезы, увлекающей мысль читателя в неизведанные области науки.

Научные открытия, которые совершают в тишине своих лабораторий герои Беляева, всегда приводят к неожиданным конфликтам. Вокруг того или иного изобретения завязывается напряженная драматическая борьба. Необычные приключения сменяют друг друга с кинематографической быстротой. Но автор нагромождает их не только ради усиления занимательности. Всякий конфликт имеет у Беляева четкую политическую окраску. Враждебные силы делают все возможное, чтобы помешать ученому-гуманисту воплотить в жизнь свое открытие, если это открытие идет вразрез с интересами господствующих классов. Поэтому терпит крушение благородная идея

профессора Бройера насытить бедняков «вечным хлебом». Гениального хирурга Сальватора, создавшего «человека-амфибию», церковники обвиняют в кощунстве и сажают в тюрьму. Капиталистические монополии стремятся помешать ученому-революционеру Хургесу, открывшему секрет расщепления атома, передать свое открытие Советскому Союзу для использования в мирных целях («Чудесное око»). Когда невероятно уродливый комедийный киноактер Тонио Престо с помощью эндокринного препарата доктора Цорна обретает нормальный человеческий облик, он теряет все, чем обладал, будучи уродом, — работу, славу, деньги («Человек, нашедший свое лицо»).

С другой стороны, борьба и связанные с нею приключения вызываются в произведениях Беляева попытками самого буржуазного ученого или эксплуатирующего его дельца употребить научное открытие во вред человечеству, поставить науку на службу преступным целям. В таких случаях диктаторы и монополисты, злодеи и чело-веконенавистники обрекают себя на неминуемую гибель. Бесславный конец постигает «продавца воздуха» Бэйли, «кандидата в Наполеоны» Штирнера («Властелин мира»), ученого-преступника Керна («Голова профессора Доуэля») и т. д.

К этому надо добавить, что образы действующих лиц раскрываются не в утомительных рассуждениях, а в динамике сюжета — в столкновении враждебных сил, в действии, в борьбе. Беляев пользуется самыми разнообразными художественными средствами. Остроумный живой диалог сменяется точным реалистическим описанием обстановки действия или доходчивым изложением научной проблемы; трагедия нередко превращается в фарс, непринужденный юмор переходит в сарказм, чисто бытовые комические ситуации — в острую политическую сатиру. Беляев умеет играть на всех струнах, чередовать тона, менять оттенки.

Несмотря на то, что в первые годы писательской работы Беляев широко использовал художественные приемы западноевропейских мастеров научно-фантастического романа, его лучшие произведения были проникнуты боевым наступательным духом, свойственным всей советской литературе.

Перелом в творчестве Беляева наступил в начале тридцатых годов. Обстановка трудового энтузиазма, до-

срочное выполнение первого пятилетнего плана, все-народное внимание к развитию отечественной науки, постепенное преодоление технической отсталости, грандиозные преобразующие возможности социалистического строя, показавшего себя в действии, — все это побуждало писателей искать новые сюжеты и коллизии, новых героев и новые творческие приемы.

Из писателей-фантастов Беляев один из первых обратился к новым темам, которые были подсказаны успехами советской науки, особенно в области ракетной техники, авиации и воздухоплавания. Неисчерпаемым источником для разработки оригинальных сюжетов послужили для него идеи, гипотезы и проекты Циолковского.

Роман Беляева «Прыжок в ничто» (1933), в котором группа капиталистов, спасаясь от народного гнева, улетает на Венеру, Циолковский снабдил своим предисловием. «Из всех известных мне рассказов, оригинальных и переводных, на тему о межпланетных сообщениях, роман А. Р. Беляева мне кажется наиболее содержательным и научным», — писал ученый. Роман «Звезда КЭЦ»¹ (1936) — первое и пока что лучшее произведение советской научной фантастики, где подробно изображены условия жизни на внеземной станции, базе межпланетных кораблей. В романе «Воздушный корабль» (1934) герои исследуют воздушные течения на цельнометаллическом дирижабле Циолковского.

Изображая научно-технические проекты «калужского мечтателя» уже претворенными в жизнь, Беляев пытался в то же время дать читателям представление о сказочном расцвете науки и техники в условиях восторжествовавшего коммунистического строя.

Коммунизм предстает в его произведениях как совершенная социальная организация, основанная на «внутренней целесообразности». Все возрастающий и всесторонний прогресс достигается неустанным созидательным трудом свободных и счастливых людей, для которых труд не обязанность, а естественная потребность. В очерках «Зеленая симфония» и «Город победителей», в романах «Лаборатория Дубльве» (1938) и «Под небом Арктики» (1938) рисуются преобразенные города-сады, чудесная архитек-

¹ КЭЦ — инициалы и первая буква фамилии Константина Эдуардовича Циолковского.

тура, комфортабельный быт, искусственное управление погодой, всевозможные завоевания науки, поставленные на службу здоровью и продлению жизни человека.

Научное творчество выглядит уже не как таинственный опыт ученого-одиночки, а как коллективный труд многих исследователей, воодушевленных патристическими гуманными идеями. Например, в «Лаборатории Дубльве» сюжет строится на борьбе различных научных идей друзей-соперников, идущих к одной цели разными путями (школа Лаврова и школа Сугубова). Намечается и новая форма многотемного научно-фантастического романа, с широким кругом научных и социальных проблем и большим числом персонажей, что характерно для последующих этапов развития нашей фантастической литературы.

Творческие искания Беляева, однако, не увенчались полным успехом. Его поздние книги, и даже такой значительный роман, как «Звезда КЭЦ», несвободны от недостатков. Ни один из его новых героев не выдерживает сравнения с яркими, запоминающимися персонажами прежних произведений. Ослабление внутренней динамики сюжета иногда приводит к бесконфликтности.

Но в целом поздние романы и повести Беляева открыли для советской научно-фантастической литературы новые пути.

В тридцатых годах одновременно с А. Беляевым работали в той же области Г. Адамов, Г. Гребнев, В. Владко и другие писатели. Как ни различны творческие индивидуальности этих авторов, в их произведениях легко обнаружить некоторые общие тенденции.

Г. Б. А д а м о в сознательно использует художественные приемы Жюль Верна. В своем лучшем романе «Тайна двух океанов» (1939) писатель варьирует на новом материале сюжетную схему «Двадцать тысяч льё под водой».

Советская подводная лодка «Пионер» совершает труднейший переход из Ленинграда во Владивосток через океаны. В свете реальных достижений и грандиозных перспектив подводной навигации Адамов попытался обосновать технические условия движения «Пионера» на больших глубинах, его быстроходность, изумительные боевые качества и т. п.

Адамов умеет вводить познавательные сведения из разных областей науки в самую ткань приключенческого

повествования, строить занимательный, полный захватывающих неожиданностей сюжет, изображать научный подвиг как коллективный труд советских исследователей, воодушевленных патриотической целью. Правда, пространственные описания замедляют действие, но они необходимы автору, так как создают тревожную атмосферу ожидания дальнейших событий. Некоторые описания сделаны с настоящим художественным мастерством. Если Жюль Верн в изображении чудес подводного мира ограничился преимущественно номенклатурными сведениями, то Адамову удалось создать впечатляющие поэтические картины подводных ландшафтов, глубоководной флоры и фауны. И здесь ему помогли не только новые научные данные, которых не было у Жюль Верна, но и незаурядное творческое воображение.

Герою-индивидуалисту в романе Адамова противопоставлен дружный, сплоченный коллектив советских ученых, обогативших науку замечательными открытиями, и моряков, успешно выполнивших на «Пионере» ответственное боевое задание. Появление в романе положительных героев, взятых из нашей советской действительности, — несомненная заслуга Адамова и других авторов, идущих по тому же пути.

И все же «Тайна двух океанов» — один из наших лучших научно-фантастических романов — оставляет чувство некоторой неудовлетворенности. Среди персонажей, лишенных индивидуальных, неповторимых черт, выделяется только яркий образ добродушного богатыря Скворешни. Прекрасный подводный корабль оставляет, пожалуй, большее впечатление, чем сами люди, прошедшие его с такими неисчислимыми трудностями сквозь глубины двух океанов. Вместе с тем, Адамов недостаточно разнообразит и литературные приемы. Считая почему-то, что в книгах для юношества среди героев непременно должны фигурировать представители младшего поколения, автор в каждый из своих трех романов ввел стандартный образ любознательного пионера, свидетеля и участника удивительных событий, перед которым открываются все научные секреты и даже государственные тайны.

Например, в романе «Победители недр» (1937) пионер Володя Колесников забирается «зайцем» в подземный снаряд и становится затем, несмотря на свою исключительную отвагу и находчивость, источником многих не-

предвиденных затруднений для участников экспедиции, рассчитавших запасы кислорода и продовольствия на трех, а не на четырех человек.

В этом романе Адамов впервые в советской литературе разработал оригинальный сюжет, связанный с путешествием в недра земли в особом снаряде. Правда, сама идея сооружения участниками экспедиции подземной электрической станции, работающей на термоэлементах, вызвала в печати возражения, равно как и некоторые детали устройства подводной лодки «Пионер». Возможно, здесь сказались отсутствие у писателя специальной технической подготовки. Но чаще всего он совершенно сознательно делал «допуски», необходимые для развития научно-фантастического сюжета. Несмотря на отдельные просчеты, творчество Адамова может служить примером серьезного, вдумчивого изучения писателем-фантастом всевозможных научно-технических вопросов, затронутых в его книгах.

Украинский писатель В. В л а д к о в содержательном романе «Аргонавты Вселенной» (1937) изобразил экспедицию советских ученых на Венеру. Героев межпланетного перелета на каждом шагу подстерегают необыкновенные приключения. Книга читается с интересом, хотя и несвободна от недостатков. Самый существенный из них — перегруженность повествования познавательными сведениями, далеко не всегда необходимыми для развития действия и не связанными с ним непосредственно.

Во втором варианте романа (1957) автор усилил занимательность фабулы за счет включения новых эпизодов и более живой подачи научно-описательного материала. Но даже и в обновленном виде «Аргонавты Вселенной» — произведение, типичное для советской научной фантастики тридцатых годов. После романов Беляева читатель найдет здесь немного нового. Кстати сказать, писатель и в новом варианте «Аргонавтов Вселенной» не удержался от того, чтобы не заставить исследователей принять в свой коллектив межпланетного «зайца». Сначала это был подросток Василий Рыжко, а теперь он перевоплотился в студента Галину, носящую ту же фамилию.

В построении оригинального сюжета большего успеха добился Г. Г р е б н е в в романе «Арктания» (1938). Висящая в воздухе над Северным полюсом метеорологическая станция — выдумка остроумная, убедительно обос-

нованная как фантастическая гипотеза. В этом романе есть интересные попытки заглянуть в будущее науки и техники, а главное — подметить новые черты в психологии и взаимоотношениях людей, живущих в то время, когда коммунизм уже одержал победу во всем мире.

Роман написан увлекательно, изобилует неожиданными и очень эффектными поворотами действия. Борьба обитателей Арктании с последними защитниками капитализма, укrywшимися в подводном гроте, полна драматического напряжения. Заслуга Гребнева заключается в том, что он сумел наметить в своей небольшой книге целый комплекс научно-фантастических и социальных идей и решить поставленную задачу художественными, а не декларативными средствами.

В новом варианте романа, изданном под заглавием «Тайна подводной скалы» (1956), автор, увлекшись детективной линией сюжета, мало внимания уделил изображению коммунистического будущего, вследствие чего книга заметно проиграла.

Итак, мы можем заключить, что новаторский характер советской научно-фантастической литературы отчетливо проявился в тридцатых годах. Именно в это время был накоплен творческий опыт и созданы плодотворные художественные традиции, которые получили в последующие годы дальнейшее развитие.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ И ПОВЕСТИ СОРОКОВЫХ — ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

После Великой Отечественной войны в советской научной фантастике начался период новых творческих исканий.

Прежде всего бросается в глаза значительное расширение круга тем и сюжетов и приближение их к запросам современности. Изменившееся соотношение сил на международной арене и укрепление стран социалистического лагеря, огромные достижения советской науки и техники, неограниченные возможности дальнейшего всестороннего прогресса в период перехода от социализма к коммунизму — все это не могло не повлиять на научно-фантастическую литературу.

Ведущее место заняла в ней едва только наметившаяся в тридцатых годах грандиозная тема грядущих на-

учно-технических преобразований, переделки природы и климата на обширных территориях нашей страны. Трудно переоценить пропагандистское и воспитательное значение лучших романов, поэтизирующих перспективы и возможности нового общественного строя. Большое значение для формирования этого направления в научно-фантастической литературе имели пожелания М. Горького, высказанные в статье «О темах» (1933).

«Прежде всего — и еще раз! — наша книга о достижениях науки и техники должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенное преодоление трудностей и поиски верного метода.

Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции». ¹

Эти замечания обращены, правда, к авторам научно-популярных книг, но подсказывают художественные решения и писателям-фантастам, в чьих произведениях нередко занимает большое место изображение самого процесса творческой работы ученых.

В научно-фантастической литературе горьковские принципы по-настоящему удалось воплотить в жизнь только в послевоенный период. Появилось немало удачных произведений, замысел которых определяется развитием сюжета от зарождения грандиозной научно-технической идеи до триумфа коллектива ученых и строителей. Однако было бы неправильно догматизировать этот творческий принцип и считать его обязательным для любого научно-фантастического произведения: все зависит от особенностей замысла и самого сюжета.

Широкое распространение получили в советской фантастике социально-сатирические романы-памфлеты, направленные на разоблачение империалистов — поджигателей войны.

Появляются у нас детективные и политические романы с элементами научной фантастики, обогащающей сюжетные и художественные возможности приключенческой ли-

¹ М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, М., 1953, стр. 108.

тературы, книги о далеком прошлом Земли и о давно исчезнувших цивилизациях, где восполняются в воображении недостающие звенья в цепи существующих научных исследований и выдвигаются фантастические гипотезы, основанные на естественнонаучном или географическом материале.

Но численный перевес по-прежнему остается за повестями и романами на традиционную в научной фантастике тему межпланетных сообщений. В современных условиях эта тема открывает особенно широкие возможности для постановки самых смелых научных и социальных гипотез.

* * *

После войны издавались еще новые произведения писателей, работавших в научно-фантастическом жанре в двадцатых — тридцатых годах.

С. М. Беляев, автор известного романа «Истребитель 2Z» (1939), опубликовал одну за другой три книги: сатирическую антифашистскую повесть «Десятая планета» (1945) и романы «Приключения Сэмюэля Пингля» (1945) и «Властелин молний» (1947).

Приснившееся академику Солнцеву удивительное путешествие на «Десятую планету», описание жизни ее обитателей, победивших обезьяноподобных «подчеловеков», — прозрачная аллегория, близкая к политическому памфлету. С. Беляев выступил здесь как ближайший предшественник Л. Лагина и других авторов, развивающих социально-сатирическое направление в научной фантастике.

«Приключения Сэмюэля Пингля» — искусная имитация стиля и художественной манеры английского классического романа о скитаниях юноши из бедной семьи. История жизни заглавного героя прихотливо сплетается с изумительными опытами биолога Паклингтона по перестройке химической структуры фильтрующихся вирусов и пересадке желез внутренней секреции.

В романе «Властелин молний» советские ученые успешно решают проблему получения из атмосферы электромагнитной энергии и передачи ее без проводов на большие расстояния по ионизированным трассам. Однако читатель не может не заметить резкого несоответствия между замыслом и выполнением. По стилю это типичный

«роман тайн», с нагромождением случайностей и загадочных происшествий. Жуткая, таинственная обстановка как-то не вяжется с намерением автора показать трудности исследовательской работы и эффективные результаты деятельности коллектива сотрудников Экспериментального института высоковольтных разрядов. Ученые совершают на каждом шагу алогичные, странные поступки. К концу романа все загадки объясняются сцеплением случайностей, как это бывает часто в буржуазном авантюрном романе.

При всей своей традиционности и даже подражательности, оба романа написаны с настоящим профессиональным мастерством. Хорошо построенный, занимательный сюжет с первых же страниц привлекает внимание читателей. Но как бы ни были увлекательны романы Сергея Беляева, они не внесли ничего принципиально нового в научную фантастику, так как были для нее пройденной ступенью: по всем своим особенностям они тяготеют к литературе даже не тридцатых, а двадцатых годов.

Более сложную и благодарную задачу поставил перед собой Г. Адамов в романе «Изгнание владыки» (1946). Книга была написана в 1938—1942 гг., но вышла из печати уже после смерти автора.

Здесь мы видим одну из первых в советской научной фантастике попыток нарисовать картину грандиозных работ по отоплению Арктики — от зарождения замысла до его претворения в жизнь. Вместе с тем, «Изгнание владыки» — далеко не лучшая книга Адамова: роман сильно растянут, написан неровно, населен довольно бесцветными героями. Но если Адамову и не удалось создать на этом материале полноценное художественное произведение, то сама тенденция оказалась весьма плодотворной, и это подтверждается дальнейшим развитием советской научной фантастики.

Величественную тему преобразования природы и грандиозного строительства в условиях нового общественного строя продолжили А. Казанцев и вслед за ним Ф. Кандыба, Г. Гуревич и другие авторы, создавшие общими усилиями новый тип научно-фантастического романа, характерный для литературы послевоенных лет.

Эти романы напоминают многие произведения наших писателей, посвященные индустриальному строительству, творческому труду изобретателей и ученых, формирова-

нию коммунистического сознания советских людей. В то же время по содержанию они являются научно-фантастическими, так как нерешенные, перспективные проблемы науки и техники показаны претворенными в жизнь.

Наиболее ярко и отчетливо эти новые тенденции сказались в романах А. К а з а н ц е в а «Арктический мост» (1946) — переработан и дополнен в издании 1958 года — и «Полярная мечта» (1956), в первом варианте — «Мол Северный» (1952).

Осуществление грандиозного проекта — строительства Северного мола или подводного тоннеля, соединяющего через Северный полюс Советский Союз и Соединенные Штаты Америки — преломляется в человеческих судьбах, в отношении героев к труду, в сфере личных взаимоотношений, в особенностях психологии и характеров действующих лиц.

Первоначальный замысел Алексея Карцева — огрaдить гигантской ледяной плотиной Северный морской путь от натиска полярных льдов — оказался технически несостоятельным, но самая идея вдохновила на творческие искания людей разных профессий. Решение одной задачи подсказывает другую, еще болсе величественную. Дело не ограничивается сооружением ледяного мола. Академик Овесян предлагает использовать для отопления Арктики колоссальную энергию термоядерной реакции. Искусственное солнце, погруженное в воды Ледовитого океана, создает вдоль берегов Сибири незамерзающую полыню. Завершение всех этих работ поможет приступить к комплексной переделке климата на больших пространствах всего полушария, и таким образом Северный мол становится лишь деталью в общих планах преобразования лица земли, а история его сооружения переплетается с судьбами всех персонажей романа. Проблемы науки и техники включаются в широкий круг социальных, политических и моральных проблем.

Еще сложнее композиция, больше персонажей и переплетающихся сюжетных линий в романе «Арктический мост», который в новом варианте составляет как бы диалог с «Полярной мечтой»: действие происходит несколько лет спустя, когда ледяной мол уже вошел в эксплуатацию, и лучшие строители переключаются на сооружение подводного туннеля.

Роман этот примечателен в двух отношениях.

Научно-техническая идея конкретно обоснована — почти как инженерный проект: подводный туннель удерживается от всплытия стальными тросами; из трубы удален воздух, и поезда могут развивать огромную скорость.

Социальное содержание определяется плодотворной идеей мирного соревнования СССР и США. Совместное строительство символического Моста дружбы сближает континенты, расширяет деловые и культурные связи.

«Арктический мост» Казанцева невольно заставляет вспомнить известный роман Б. Келлермана «Туннель» (1913). Но если немецкий романист изображал прежде всего неисчислимые страдания и бедствия, которые принесло тысячам людей строительство межконтинентального туннеля под Атлантическим океаном, то советский писатель стремился показать трудовой энтузиазм и непрерывный духовный рост строителей, воодушевленных высокими гуманными идеями.

Интересны образы русских инженеров, братьев-соперников Андрея и Степана Корневых. Фигура Андрея, автора проекта арктического моста, привлекает своей монолитностью. С юношеских лет он неуклонно идет к поставленной цели, стойко перенося тяжелые разочарования и неудачи.

Обострения сюжета Казанцев достигает не только обычными приемами приключенческого повествования, но и драматизмом психологических конфликтов. Приподнято-романтическая, экспрессивная манера речи полностью соответствует творческой атмосфере напряженных исканий и трудовых подвигов, окружающих героев. Но в тех случаях, когда автору изменяет чувство меры и вкуса, высокая патетика вытесняется обыкновенной риторикой. Есть в романе и другие недостатки: книга слишком растянута, перенаселена второстепенными персонажами, далеко не все эпизоды необходимы для развития действия.

... На одном из островов близ Чукотки проходит небывало глубокая шестикилометровая шахта. Цель строительства — использование в энергетике внутреннего тепла земли. После романов Г. Адамова идея эта не нова. И все же Ф. Кандыбе, автору романа «Горячая земля» (1950), удалось создать оригинальное произведение. Центральный образ инженера Дружинина, талантливого ученого и организатора, сумевшего не только обосновать и защитить свой проект, но и довести до конца сооруже-

ние подземной электростанции, с первых же страниц завоевывает расположение читателей.

Автор выбрал единственно правильный путь: история фантастического строительства неразрывно связана с судьбами героев. Сюжет осложняют драматические события, тормозящие осуществление проекта (землетрясение и обвал в шахте). Напряженность повествования нарастает по мере того, как строители проникают в тайны земных недр и сталкиваются с непредвиденными препятствиями.

Главное в этом романе — поэзия вдохновенного созидательного труда, покорение стихийных сил природы для блага людей. И автор «Горячей земли» заставляет поверить энтузиазму своих героев и почувствовать величие стоящей перед ними цели.

Следует также сказать, что важное место в развитии сюжета занимает тема преемственности научных традиций. Неожиданная находка чертежей погибшего в боях с фашистами геолога Петрова, работавшего до войны над той же проблемой, помогает Дружинину отстоять дерзновенный проект.

Развитие и обогащение темы преемственности научных идей мы находим во многих произведениях советской научно-фантастической литературы.

В этой связи следует упомянуть интересный роман Н. Лукина «Судьба открытия» (1951). Автор строит научно-фантастический сюжет (получение пищевых продуктов из минерального сырья, химическое преобразование клетчатки в сахарозу и крахмал) на противопоставлении судьбы двух талантливых ученых — русского инженера Лисицына, посвятившего себя еще до революции изысканию способа выработки дешевой искусственной пищи, и советского химика Шаповалова, который находит записную книжку Лисицына и считает своим нравственным долгом продолжить его опыты.

И действительно, Шаповалов вместе с группой сотрудников успешно решает проблему получения углеводов искусственным путем. Преследуемый царскими властями, Лисицын умер, так и не закончив дело, которому отдал жизнь, но труд его не пропал даром и в новых общественных условиях принес благие плоды. Необыкновенная судьба открытия связывает людей разных поколений, увлеченных одной идеей, и таким образом в истории са-

мого открытия преломляются судьбы ученых, работавших над его осуществлением. «Посев научный взойдет для жатвы народной», — слова Д. И. Менделеева, взятые в качестве эпиграфа, хорошо передают основную мысль произведения.

В новом, значительно улучшенном варианте романа (1958) Н. Лукин еще больше оттенил эту гуманистическую идею.

В тех же сложившихся традициях научно-фантастического романа о перспективах советской науки и техники написаны повести В. Сытина «Покорители вечных бурь» (1955) и Г. Гуревича «Подземная непогода» (1956). Научная проблематика этих книг — изыскание и использование новых источников энергии.

В повести В. Сытина советские ученые создают стратосферную электростанцию, которая устанавливается в гондоле стратостата. Несмотря на то, что первое испытание окончилось неудачно, так как не были предусмотрены завихрения, действующие на большой высоте, ученым удалось доказать целесообразность своего проекта. К энергетическим ресурсам страны прибавится новый неисчерпаемый источник энергии. Драматического напряжения повесть достигает в тех главах, где описывается опытный подъем стратостата и героизм, проявленный во время воздушной катастрофы пилотом Александровым. Вместе с тем, повесть производила бы большее впечатление и героическая фигура Александрова казалась бы более убедительной, если бы автор не вдавался по всякому поводу в сентенции и назидательные пояснения. Однако самый замысел книги — показать неотделимость работы ученых от трудовых подвигов простых исполнителей, испытывающих с риском для жизни новую технику, — решен автором не шаблонно.

Г. Гуревич, не ограничиваясь в повести «Подземная непогода» изображением научного открытия в уже готовом, сложившемся виде, стремится ввести читателей в самый процесс творческой работы ученого.

Прогрессивные идеи в науке не теряются и не исчезают. Молодой ученый Виктор Шатров, наметивший путь для безошибочного предсказания вулканических извержений, погиб, не успев закончить свой труд. Научный противник Шатрова Грибов, ознакомившись с оставшимися дневниками и заметками Виктора, нашел в себе муже-

ство отказаться от ошибочной теории, которой он раньше придерживался, и посвятил свою жизнь развитию научных идей Шатрова. Грибов не только научился предсказывать извержения, но и принял участие в строительстве нового города у подножья сопки. Здесь впервые будет использована для промышленных нужд энергия вулканической деятельности. Автор изображает многочисленные трудности, подстерегавшие на каждом шагу строителей Вулканограда. Наконец город построен, и на центральной площади возвышается памятник с надписью на цоколе: «Виктору Шатрову, первому человеку, разгадавшему вулкан».

Надо сказать, что центральные образы — Шатрова, Грибова и Елены Кравченко — оставляют сильное впечатление. По ходу действия возникает острый конфликт между передовыми деятелями науки и рутинерами, задерживающими ее развитие, а также другие конфликты, связанные с личными взаимоотношениями героев. Все это придает повествованию необходимую динамику, которая, к сожалению, ослабевает по мере приближения к финалу.

Более частным проблемам — научно-техническому новаторству и ближайшим перспективам отдельных отраслей науки и техники — посвящены произведения В. Охотникова и В. Немцова. И тот и другой пришли в литературу с запасом оригинальных идей, возникших у обоих в процессе практической научно-изобретательской деятельности.

В. Охотников выпустил сборник интересных научно-фантастических рассказов «В мире исканий» (1949), остающийся его лучшей книгой. Из крупных произведений этого автора упомянем роман «Дороги вглубь» (1950).

Сконструированный советским инженером А. Треблевым подземный «крот» натолкнул писателя на мысль взять эту реально существующую машину в качестве отправной точки для изображения фантастического снаряда, совершающего экскурсии в недрах земли вместе с людьми. Автор подробно излагает историю рождения технической идеи и ее последующей реализации. Но там, где можно было бы развернуть увлекательный рассказ, наполненный яркими приключениями, повествование обрывается. Охотников завершает роман описанием первого испытания машины, не используя до конца широкие возможности научно-фантастического сюжета.

В творчестве В. Немцова подкупает глубокое, отнюдь не дилетантское знание специального материала, особенно когда речь идет о вопросах радиотехники, тщательно обоснование научной стороны замысла, пропагандистская целеустремленность и незаурядный популяризаторский талант.

Книгам Немцова свойственна ярко выраженная публицистическая направленность. Не ограничивая себя развитием стержневой темы (изображение техники завтрашнего дня), писатель сталкивает своих героев с различными жизненными проблемами. Автора и его героев волнуют вопросы коммунистической этики, любви и дружбы, воспитания, здорового быта и т. п. Многочисленные отступления, правда, разрыхляют композицию повествования и ослабляют динамику сюжета, но в то же время придают книгам Немцова большую актуальность.

Из романа в роман переходят образы двух друзей — комсомольцев Вадима Багрецова и Тимофея Бабкина. «Им было всего лишь по 18 лет, — пишет Немцов о своих любимых героях, — но они уже работали техниками в научно-исследовательском институте. В то время я послал их в деревню Девичья Поляна и рассказал об этом в романе «Семь цветов радуги» (1950). В другом романе — «Счастливая звезда»¹ (1955) — путешествовал только Багрецов, а Тимофеем оставался в Москве. Потом они уже вместе улетели в Средне-Азиатскую пустыню, и об их приключениях я написал в книге «Осколок солнца» (1955). И вот новая книга — «Последний полустанок» (1959). Герои мои... вдруг оказались в гигантской летающей лаборатории... последнем полустанке на пути к звездам».

Эта незавершенная еще эпопея о жизненном поприще двух советских молодых людей, а также повести «Огненный шар» (1948), «Тень под землей» (1948), «Золотое дно» (1949) и другие произведения характеризуют Немцова как последователя фантастики «на грани возможного». Писатель старается намечать решения преимущественно лишь таких вопросов, к которым наука подошла почти вплотную (прибор для поиска металлических руд, аккумулятор огромной емкости, подводный танк для работ

¹ В сокращенном варианте этот роман издан под заглавием «Альтаир».

на дне моря, преобразование солнечного света и тепла в электроэнергию с помощью усовершенствованных полупроводниковых батарей и т. д.).

Познавательное и воспитательное значение фантастики «ближнего прицела» несомненно. Но если писатель старается поэтизировать только ближайшие перспективы отдельных, подчас узко специальных отраслей науки и техники, то это приводит нередко к тому, что действительные возможности науки быстро опережают его воображение и произведения теряют прелесть новизны.

Так получилось, например, с повестью «Золотое дно», которая через несколько лет после выхода в свет перестала быть фантастической.

Книги Немцова переиздаются и пользуются известностью. Очевидно, читателей привлекают реализм социально-бытового повествования, образы героев — простых и скромных инженеров, изобретателей, беззаветно преданных любимому делу. Однако научно-фантастическому замыслу в произведениях Немцова отводится не главная, а скорее служебная роль.

В последние годы в нашей литературе наметился своеобразный жанр научно-фантастического «репортажа» из будущего. Разрозненные очерки авторы соединяют в связные циклы или создают целостные очерковые повествования.

В. Захарченко в книге «Путешествие в завтра» (1952), основываясь на реальных достижениях науки и техники наших дней, сделал интересную попытку показать в очерковой форме завершение таких великих начинаний, которые или уже предусмотрены на ближайшие пятнадцать — двадцать лет государственными перспективными планами, или — заглядывая еще дальше — неизбежно будут подсказаны, по мысли автора, самым ходом научно-технического прогресса. Однако традиционный вопросно-ответный диалог и безликие фигуры экскурсантов значительно снижают выразительность нарисованной В. Захарченко картины грандиозных преобразований. Читатель представляет себе, как будет выглядеть в недалеком будущем металлургический завод, каковы будут успехи энергетики, химии, автоматики, телемеханики, какими путями пойдет преобразование природы на необъятных просторах нашей страны и т. д. Но люди в книге Захарченко кажутся лишь «приложением» к производ-

ству. Отсутствие центрального героя иногда возмещается в очерковой повести особым углом зрения автора или воображаемого рассказчика, который и становится главным действующим лицом. Так построена удачная книга Б. Ляпунова «Мечте навстречу» (1957).

Повествование ведется от имени безымянного очевидца и участника перелета Земля—Луна—Земля, строительства внеземной станции, а затем уже межпланетных перелетов в пределах солнечной системы. Рассказчик никак не обрисован, он находится как бы «за кадром», но его присутствие чувствуется на каждой странице. Его единственная примета — живой, взволнованный тон мыслящего собеседника, которого заставляют радоваться и гордиться величайшие достижения науки. Вся книга держится как бы на одном дыхании и представляет собой стремительный порыв в будущее.

Кстати сказать, в довоенные годы научно-фантастические очерки занимали почетное место на страницах молодежных журналов и было создано не мало удачных произведений. Сейчас «Техника — молодежи», «Знание — сила» и другие журналы, к сожалению, ослабили заботу о развитии научно-фантастического очерка. Несмотря на то, что художественные задачи обычно отступают в очерковой литературе на задний план, было бы ошибкой недооценивать эту наглядную и действенную форму пробуждения научно-технических интересов.

* * *

В послевоенные годы новая расстановка сил на международной арене, идеологическая борьба и противоречия двух социальных систем нашли свое отражение во многих научно-фантастических романах. С большой политической остротой и целеустремленностью ставится вопрос о судьбе новейших открытий и изобретений в зависимости от того, в каких целях они используются, служат благим намерениям или грязной наживе, процветанию человечества или истребительным войнам.

Тема большого масштаба — столкновение двух миров в связи с историей научного открытия — положена в основу романа А. Казанцева «Пылающий остров». Эта книга, опубликованная незадолго до войны, вышла в 1957 году в новом варианте.

Найденный русским физиком Кленовым способ концентрации энергии в сверхпроводнике, помимо широких перспектив применения в мирных целях, может превратиться в разрушительное средство огромной силы. Вокруг этого открытия завязывается ожесточенная борьба, сплетаются нити сложного многопланового повествования. Из тунгусской тайги действие переносится в Харбин, оттуда в лабораторию американского ученого Холмстеда, на островок в Тихом океане, в замок фабриканта смерти Вельта, в Советский Союз, где престарелый Кленов находит убежище и спасается от преследования врагов. Угрозу всемирной катастрофы, вызванной злой волей человеко-ненавистника Вельта, предотвращают советские ученые.

Естественно, что в романе с острым приключенческим сюжетом и множеством действующих лиц автор очерчивает своих героев самыми броскими штрихами и в некоторых случаях сознательно прибегает к приемам плакатной характеристики. Отсюда преобладание в каждом персонаже какой-то одной определяющей черты, доводящей образ почти до символической обобщенности.

Наиболее выразителен образ Вельта, олицетворяющего зловещую сущность современного империализма.

В эпилоге автор так объясняет замысел произведения:

«Эта книга — памфлет... Все в нем немножко не настоящему, чуть увеличено: и лысая голова, и шрам на лице, и атлетические плечи, и преступления перед миром... и подвиг... Но через такое стекло отчетливо виден мир, разделенный на две части, видны и стремления людей, и заблуждения ученых».

Гротескные преувеличения — неотъемлемое свойство романа-памфлета. Социальная сатира вообще не может обойтись без гротеска, а научная фантазия придает ему особую остроту. Но художественный эффект достигается только в том случае, если автор не теряет чувства меры и умеет разнообразить нюансы. Эта далеко не оригинальная мысль подтверждается, прежде всего, произведениями Л. Лагина.

Его талантливый роман «Патент АВ» (1947) привлек читателей своей сатирической остротой и парадоксальным поворотом сюжета: монополисты пытаются использовать похищенный препарат доктора Попфа для создания новой породы рослых и физически сильных людей с умом трех-

летнего ребенка. Эти уроды предназначаются в качестве пушечного мяса и дешевой рабочей силы. Как всегда у Лагина, из абсурдной, на первый взгляд, предпосылки выводятся все возможные логические последствия. Памфлетную остроту придает замыслу не только прямое разоблачение, но и политический подтекст: пушечное мясо понимается в буквальном смысле слова и становится своего рода «реализованной метафорой». С такими же точно художественными приемами мы сталкиваемся и в других сатирико-фантастических произведениях Лагина, основанных не столько на научной гипотезе, сколько на парадоксальном стечении обстоятельств, дающих повод для социальных обобщений (романы «Остров разочарований», «Атавия Проксима»).

Вообще, творческий метод Л. Лагина, использующего фантастическую идею как отправную точку для создания социального памфлета, очень интересен и плодотворен. Советский писатель выступает как последователь замечательной традиции, созданной в мировой литературе романами Д. Свифта, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Франса.

Некоторое сходство с творческим методом Л. Лагина легко заметить в романе С. Розвала «Лучи жизни» (1949). Порядки, господствующие в капиталистической державе «Великании», изображенной в гротескно-сатирических тонах, вызывают трагические переживания и злоключения ученого-гуманиста Чьюза. Открытые им «лучи жизни», способные избавить человечество от болезней, военное ведомство хочет превратить в орудие смерти. Сюжет романа сам по себе настолько увлекателен и динамичен, что автору не приходится «проталкивать» свою политическую идею, ибо она естественно вытекает из самого сюжета. Рост самосознания Чьюза как общественного деятеля и его участие в борьбе за мир подсказаны логикой предшествующих событий.

Острой политической направленностью отличаются научно-фантастические романы В. Иванова «Энергия подвластна нам» (1951) и Г. Гуревича «Иней на пальмах» (1951). Использование атомной энергии в мирных и военных целях, попытка организовать диверсию против СССР с помощью отраженного от Луны пучка радиоактивных излучений — такова тема романа «Энергия подвластна нам», едва ли не первого фантастического произведения в нашей литературе, посвященного перспекти-

вам использования атомной энергии. Однако как литературное произведение книга оставляет желать много лучшего. Империалисты так откровенно и навязчиво говорят о своем желании разжечь новую мировую войну и захватить всю планету, а советские патриоты так часто напоминают друг другу о необходимости бороться за мир, что роман теряет главное — художественную непосредственность. Герои перестают быть живыми людьми и становятся лишь «рупорами идей».

В повести Г. Гуревича «Иней на пальмах» история фантастического открытия нового способа получения искусственного холода и его применения для постройки ледяных плотин, дождевания и других целей сплетается с резкими разоблачениями американских промышленников, использующих «электрохолод» для производства атомного оружия. Повесть Г. Гуревича не только насыщена социальной атмосферой нашего времени, но и интересна по сюжету. Жаль только, что динамику приключенческого повествования ослабляют пространственные авторские ремарки и рассуждения.

Интересные образцы социального памфлета в научной фантастике созданы в последнее время Н. Томаном, писавшим до сих пор преимущественно приключенческие детективные повести. В его повестях «История одной сенсации» (1956) и «Накануне катастрофы» (1957) фантастический сюжет сам по себе служит благодарным материалом для политической сатиры.

Искусственное усиление электронной концентрации ионной сферы для передачи телевизионных сигналов американские бизнесмены используют в целях разжигания военного психоза («История одной сенсации»).

Политическая борьба, связанная с историей уничтожения с помощью ракет астероида, изменившего свою орбиту и грозящего упасть на Землю, служит автору поводом для сатирической характеристики представителей господствующих классов США («Накануне катастрофы»).

Стремление преодолеть трафарет и штампы — это наибольшее зло приключенческой литературы — привело писателей к попыткам обогатить художественные возможности приключенческого повествования за счет привлечения элементов научной фантастики. Удачное соединение приключенческого сюжета с научной фантазией, играющей в данном случае подчиненную роль, открывает писате-

лям-«приключенцам» новые пути для творческих исканий. Некоторые из этих попыток заслуживают внимания.

Г. Тушкан в приключенческо-политическом романе «Черный смерч» (1954), направленном на разоблачение врагов мира и демократии, ставит приключения своих героев, и прежде всего естествоиспытателя Аллана Стронга, в зависимость от создания бактериологического оружия (ультравирусы, вызывающие почти мгновенную гибель растений) и выработки защитных средств (использование меченых атомов для обнаружения «биобомб»).

В другом романе Г. Тушкана — «Разведчики зеленой страны» (1950) — похождения группы юных натуралистов в лесах Киргизии и поиски мальчиком Егором Смоленским своего фронтового друга полковника Сапегина (кстати, он фигурирует и в романе «Черный смерч») служат удобной рамкой для включения большого познавательного материала.

Описание зеленой лаборатории и фантастических достижений советских биологов-селекционеров естественно вырастает в сюжетную ткань приключенческого повествования. Биологическая фантастика представлена здесь в самых разных аспектах. Автор рисует увлекательные перспективы превращения диких плодовых лесов в лесосады и сады, получения съедобного микробелка, создания сахарных биофабрик, сверхбыстрого выращивания деревьев и т. д.

Таким образом, шаблонный детектив вытесняется в книгах Тушкана научными проблемами, преимущественно бактериологическими. Если бы не рыхлость композиции и не растянутость, романы Тушкана в художественном отношении значительно выиграли бы.

Эта правильная тенденция развивается также А. Студитским в романе «Сокровище Черного моря» (1956). Напряженный приключенческий сюжет связан здесь с историей открытия и разведения золотоносных водорослей. Трудности, преодолеваемые в процессе исследовательской работы советскими учеными, усугубляются действиями вражеской разведки. Правда, такой вариант приключенческого сюжета не нов, но роман хорошо написан и читается с большим интересом.

На географическом и этнографическом материале, с привлечением элементов научной фантастики, построены романы Л. Платова «Архипелаг исчезающих остро-

вов» (1949) и «Страна семи трав» (1954), составляющие диологию «Повести о Ветлугине». Писатель здесь выступает как последователь художественной традиции В. А. Обручева, знакомя читателей с архаической культурой и бытом народа, находящегося на стадии родового строя. Мотивом, сближающим «Архипелаг исчезающих островов» с «Землей Санникова», являются поиски неизвестной, но якобы виденной прежде земли, существование которой Ветлугин предсказывает умозрительным путем, на основании убедительных признаков. В отличие от Обручева, писавшего о гипотетической земле до решения вопроса о ее существовании, Платов пишет о вымышленной земле, используя недавние открытия плавающих ледяных островов, работы В. Ю. Визе и других исследователей.

«Страна семи трав» — редкий случай фантастики на историко-этнографическом и географическом материале (история племени нганасанов и обоснование возможности существования оазиса в центре Таймыра). Приключения Ветлугина в стране нганасанов и история его поисков, изображение жизни «заблудившегося» народа, оторванного от остального мира и постепенно деградирующего, — этот сюжет дает писателю большой простор для выдвижения научно-фантастических гипотез.

В творчестве Платова привлекает не только «экзотика» сюжета, но и умение писателя лепить образы, рисовать впечатляющие пейзажи, так описывать события, что они надолго запоминаются читателю.

Реалистические произведения Платова, так же, как романы Г. Тушкана, А. Студитского и других авторов, убедительно показывают, какие большие и далеко не исчерпанные возможности таятся в приключенческих и научно-фантастических сюжетах.

* * *

Творчество И. А. Ефремова, талантливого писателя и крупного ученого-палеонтолога — одна из самых ярких страниц в истории советской научно-фантастической литературы. С большой убежденностью и страстью Ефремов утверждает материалистическое познание мира, раскрывает в художественной форме взаимозависимость и взаимопроникновение различных явлений при-

роды, науки, культуры, истории. Познающий разум так же неисчерпаем, как и природа, — вот основная мысль, окрыляющая творчество Ефремова.

Еще и сейчас многие писатели-фантасты в состоянии только сопоставлять явления природы, раскладывать науки по полочкам — одну подле другой. Ефремов в своей научной и литературной деятельности исходит из убеждения, что новое рождается «на стыке» нескольких наук. Отсюда парадоксальные на первый взгляд, ошеломляющие сочетания палеонтологии и астрономии, медицины и фольклора и других наук, далеко отстоящих одна от другой в обычной систематике знаний. Отсюда же и некоторая общность логических доказательств и метода обоснования новых идей в научных трудах и художественных произведениях Ефремова.

Блестящим примером подтвержденной жизнью фантастической гипотезы служит рассказ «Алмазная труба» (1944), в котором писатель обосновал возможность алмазных месторождений в Якутии задолго до того, как они были открыты в действительности.

В ранних рассказах Ефремова («Встреча над Тускаророй», «Атолл Факаофо», «Озеро горных духов», «Белый рог» и др.) научно-фантастическая идея соединяется с романтикой морских приключений, с красочными описаниями природы, с изображением повседневной работы моряков, геологов и палеонтологов, совершающих необыкновенные открытия.

В каждом отдельном случае автор находит неожиданное объяснение таинственных явлений, с которыми сталкиваются герои, и эта поэтическая атмосфера творческих исканий придает рассказам Ефремова своеобразие и непосредственность, хотя они и проигрывают от того, что действующие лица обрисованы менее выразительно, чем окружающая их обстановка.

Обычный в научной фантастике приключенческий сюжет часто заменяется у Ефремова «приключениями мысли» — от зарождения гипотезы до ее превращения в теорию, подкрепленную многочисленными доказательствами. В таких повестях, как «Тень минувшего» (1945) или «Звездные корабли» (1947), развитие сюжета определяется не приключениями ученого, а его исследовательской работой, поисками доказательств, необходимых для подтверждения удивительной гипотезы.

В повести «Звездные корабли» профессор-палеонтолог Шатров, изучая обломки костей динозавров, пробитые, по-видимому, огнестрельным оружием, приходит к мысли, что семьдесят миллионов лет назад на Земле побывали гости из космоса. Предположение Шатрова кажется правдоподобным в свете астрономической теории одного из его учеников, доказывавшего, что в меловом периоде происходило сближение нашей солнечной системы с центральными сгущениями галактики, где развитие жизни могло начаться значительно раньше, чем на Земле. Догадка ученого блестяще подтвердилась, когда при раскопках кладбища динозавров был найден череп, подобный человеческому, с широким и крутым лбом, а рядом какой-то странный диск, скрывавший фотографию звездного пришельца.

«Из глубины совершенно прозрачного слоя, увеличенное неведомым оптическим ухищрением до своих естественных размеров, на них взглянуло странное, но несомненно человеческое лицо. Неизвестным способом изображение было сделано рельефным, а главное — необыкновенно, невероятно живым. Казалось, живое существо смотрит, отделенное только прозрачной стенкой оптической линзы. И, прежде всего, подавляя все остальные впечатления, в упор смотрели громадные выпуклые глаза. Они были как озера вечной тайны мироздания, пронизанные умом и напряженной волей, двумя мощными лучами, стремящимися вперед, через стеклянную преграду, в бесконечные дали пространства. В этих глазах был свет безмерного мужества разума, сознающего беспощадные законы вселенной, вечно бьющегося в муках и радости познания».

Так писатель утверждает непреложную материалистическую истину о единстве в разных уголках мирового пространства великого процесса эволюции, становления высшей формы материи и творческой работы познания.

В романе «Туманность Андромеды» (1958) Ефремов сделал первую в нашей литературе серьезную попытку нарисовать картину коммунистического будущего. В отличие от большинства научно-фантастических произведений, «Туманность Андромеды» не приключенческий, а философский роман, наглядно иллюстрирующий, как тесно связаны в настоящее время теоретические проблемы точ-

ных наук с важнейшими проблемами материалистической философии.

Автор переносит нас на много веков вперед. Коммунистический строй, давно уже восторжествовавший на всей планете, изображен как нечто само собой разумеющееся, как единственно возможная и целесообразная форма социальной организации, имеющей свои исторические традиции. «Земля избавлена от ужасов голода, заразных болезней, вредных животных, спасена от истощения топлива, нехватки важных химических элементов, преждевременной смерти и старости людей». Все силы природы поставлены на службу человеку. Земной шар связан единой энергетической системой. Звездолеты преодолевают космические расстояния почти со скоростью света. Путь, пройденный человеком в пространстве, измеряется парсеками.¹

При таком полете фантазии трудно упрекать автора в недостоверности тех или иных деталей; важна здесь общая философская концепция, которая опирается на марксистско-ленинское понимание закономерностей исторического и научного прогресса.

Изображенный Ефремовым будущий мир достиг уже такого уровня науки и техники, когда космические скорости кажутся недостаточными, потому что ближайшие звездные системы отстоят на сотни и тысячи световых лет.

«Вечные загадки и трудные задачи превратились бы в ничто,— мечтают люди Земли,— если бы удалось совершить еще одну, величайшую из научных революций,— окончательно победить время, научиться преодолевать любое пространство в любой промежуток времени».

Проблема времени предстает и в другом аспекте. Все находится в движении, возникает, развивается и уходит в прошлое. Лавина времени все сметает со своего пути, но великие завоевания мысли и лучшие традиции мировой культуры не исчезают и не забываются. Люди далекого будущего помнят изречения античных мудрецов, воздвигают памятники ученым нашего времени, открывшим человечеству дорогу в космос, принимают по Великому Кольцу населенных миров сообщения с далеких звездных систем, посланные миллионы лет назад, когда на Земле еще не существовало человека. Все это создает припод-

¹ Один парсек равен 3,26 светового года.

нято-романтическую атмосферу вечных исканий и горения бессмертной мысли, которую не могут погасить ни время, ни пространство.

Но самое интересное в романе Ефремова — стремление увидеть людей такими, какими они будут, какими они должны быть. Коммунизм эпохи высшего расцвета рисуется не в виде абстрактных утопических пожеланий, а в соответствии с мыслимыми возможностями социального и научного прогресса. Автора интересуют разные стороны общественной и частной жизни, быта и личных взаимоотношений героев, каждый из которых гармонически сочетает в себе лучшие качества — духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Большое место занимают в книге Ефремова вопросы коммунистической этики. Человечество достигло столь высокого уровня сознания, когда индивидуальные желания не могут расходиться с нуждами общества. Один из героев романа, выдающийся ученый Дар Ветер, почувствовал равнодушие к своей работе. При первых же симптомах этой страшной болезни он счел своим долгом временно переменить специальность. Когда другой ученый — Мвен Мас — совершил по собственному почину, без разрешения Совета звездоплавателей, грандиозный научный опыт, показавший новые свойства пространства и времени, Академия Горя и Радости провела всенародный опрос, чтобы вынести свое суждение об этом поступке. Археолог Веда Конг, возлюбленная звездоплавателя Эрг Ноора, за годы его отсутствия полюбила Дар Ветра, но пока звездоплаватель не вернулся на Землю, она не считала себя вправе отдаться новому чувству. Эрг Ноор и его спутница, астронавигатор Низа Крит, обрекают себя на добровольное изгнание: они отправляются в новую долголетнюю экспедицию, зная заранее, что родную Землю они никогда уже больше не увидят. Они совершают великий научный подвиг «для тех, кто придет много лет спустя». Люди Эры Великого Кольца отличаются «доверчивой прямо-той», и отсюда вытекают все их поступки и взаимоотношения.

Интересна и своеобразная поэтика произведения. На всем его протяжении последовательно выдерживается тон рассказа современника событий, для которого все, что он видит и знает, так же привычно и обыденно, как и для нас наши вещи, научные термины, общественные явления

и т. д. Этот художественный прием поначалу вызывает некоторые затруднения, но постепенно читатель осваивается с законами столь необычного мира и начинает в него верить, начинает подходить к нему с теми критериями и масштабами, которые установлены автором, продумавшим до мельчайших подробностей все причины и следствия, вытекающие из его фантастических допущений. Впечатление достоверности создается также с помощью специально разработанной фантастической научной терминологии. Но — скажем прямо — она заметно утяжеляет книгу, хотя автор и объясняет значение каждого термина в особых примечаниях.

И, наконец, хочется отметить еще одну особенность романа. Это не отвлеченная фантастика, не просто «игра ума». Сюда естественно включается политическая тенденциозность — переключка с историческими событиями и политическими проблемами волнующими каждого из нас, читателей «Туманности Андромеды». Автор настойчиво говорит об опасности опытов с частично распадающимся атомным горючим и рисует мрачную картину опустошенной, поросшей черными маками планеты Зирды, жители которой убили себя и все живое...

Не все в этой книге кажется нам бесспорным. Для выражения смелых, оригинальных идей автор не всегда находит равноценные изобразительные средства.

И все же И. Ефремов добился главного: он приоткрыл завесу грядущего и показал нам новый мир, мир прекрасный и увлекательный.

Появление «Туманности Андромеды», а вслед за ней глубокомысленной повести «Сердце змеи» («Юность» № 1, 1959) приводит к заключению, что новое слово в научной фантастике будет сказано теми писателями, которые сумеют объединить в одно художественное целое, в один сплав самые передовые научные и философские идеи нашего времени, иначе говоря — создать полноценные, «комплексные» произведения о близком или далеком будущем. И. Ефремов достиг в этом смысле несомненного успеха.

* * *

За последние годы к сравнительно небольшому отряду давно и постоянно работающих в научной фантастике писателей присоединились: Г. Мартынов, Б. Фрадкин, В. Савченко, К. Волков, Ю. и С. Сафроновы и другие

авторы, посвятившие свои первые произведения преимущественно проблемам астронавтики.

Г. Мартынов — инженер, пришедший в литературу с производства, — за сравнительно короткое время написал три книги: повесть «220 дней на звездолете», романы «Каллисто» и «Сестра Земли».

Мартынов — писатель, безусловно, одаренный, обладающий незаурядной выдумкой, умением построить интересный сюжет. Пишет он очень просто и доходчиво, ориентируясь на детей среднего возраста, и его книги пользуются у юных читателей большой популярностью.

В повести «220 дней на звездолете» (1955) межпланетное путешествие изображается как сложнейшая, тщательно подготовленная научная экспедиция. Автор дает почувствовать, что до тех пор, пока скорость звездолета будет меньше скорости планет, исследователи будут жестко лимитированы во времени. Решающий фактор времени стимулирует в повести и развитие действия. С этим связаны приключения Камова на Марсе и его неожиданное возвращение на Землю. К сожалению, книгу портят затянутые описания и много раз использованные в литературе трафаретные образы отрицательных персонажей.

Роман «Сестра Земли» — вторая часть трилогии о приключениях советских астролетчиков. На этот раз они попадают на Венеру и сталкиваются с удивительными и загадочными явлениями.

Несомненный интерес представляет роман «Каллисто» (1957). Поставив своей целью показать в фантастическом романе расцвет коммунистического строя, взаимоотношения людей, науку и технику будущего, Мартынов использует распространенный в научной фантастике прием — прибытие на Землю гостей из космоса. Действие разворачивается в двух психологических планах: восприятие людьми необычных нравов, моральных принципов, научных достижений каллистян, жителей планеты, где давно уже восторжествовал коммунистический строй, и, с другой стороны, знакомство каллистян с людьми и двумя социальными системами на нашей планете. Если первая книга романа дает только предварительное представление о коммунистическом обществе каллистян, то во второй части автору предстоит показать общественные порядки, науку и технику на планете Каллисто глазами советских людей — посланцев Земли. Сталкивая на одной плоскости

представителей трех социальных систем, олицетворяющих прошлое, настоящее и будущее человечества, автор придает своей книге острое политическое звучание.

К. Волков, автор «Звезды утренней» (1957), посвятил свой роман изображению первой экспедиции советских исследователей на Венеру в конце семидесятых годов нашего века. Подготовка экспедиции показана как труднейшее дело, требующее максимального напряжения сил большого коллектива ученых. Как ни затянута экспозиция, но это самая сильная часть произведения. Что же касается основных глав, рисующих пребывание людей на Венере, то по сравнению со своими предшественниками автор не внес в научную фантастику почти ничего нового. К тому же приключения героев слабо мотивированы и кажутся маловероятными. Таким образом, книгу К. Волкова нельзя считать творческой удачей, хотя она и читается не без интереса.

В научной фантастике наших дней разработана целая «наука» о преодолении пространства, которое, согласно гипотезе Эйнштейна, есть такая же физическая реальность, как материя и энергия. В романах зарубежных писателей часто варьируются идеи «антипространства», «гиперпространства», «нулевого пространства», «антигравитации», «замедленного времени» (при субсветовой скорости) и т. д. Современная мировая наука выдвигает общие проблемы перед писателями-фантастами разных стран. В советской литературе подобные идеи, подсказанные новейшими гипотезами точных наук, развиваются в «Туманности Андромеды» «Сердце Змеи» И. Ефремова, в повести Б. Фрадкина «Тайна астероида 117-03», в рассказе В. Савченко «Навстречу звездам» («Знание — сила», 1955, № 10), построенном на «парадоксе времени». Герой этого рассказа, увлеченный благодаря неисправности ракеты в межзвездное пространство со скоростью, близкой к световой, проводит в полете один год и возвращается на Землю по истечении двенадцати лет.

Повесть Б. Фрадкина «Тайна астероида 117-03» (1956) отличается остроумным замыслом и своеобразным сюжетом с неожиданными поворотами. Книгу можно было бы признать хорошей, если бы ее не портили трафаретные приемы, отдающие литературной дешевкой и безвкусицей. Главный недостаток книги Фрадкина — нагромождение неправдоподобных авантур, мелькающих, как

в голливудском фильме. Трудно даже перечислить все, что пришлось выдержать экипажу советского ракетоплана в космическом пространстве: и восьмидесятиградусную жару, и резкое торможение при разгоне в несколько сот километров в секунду, и сверхрекордсменский затяжной прыжок на поверхность Урана, и неравную борьбу с пришельцами из глубин Вселенной, взявшими в плен наших астронавтов. Все эти баснословные приключения носят явный привкус «облегченной» фантастической беллетристики буржуазного образца.

Вместе с тем, несомненное достоинство «Тайны астероида 117-03» — умение автора обосновывать развитие авантюрной фабулы интересными и смелыми научно-фантастическими допущениями, на которых, собственно, и держится вся повесть (расщепление электрона, создающее гравитационную энергию, превосходящую в тысячи раз энергию атомного ядра, что позволяет создавать искусственные поля тяготения).

Ю. и С. Сафрановы, авторы романа «Внуки наших внуков» («Нева», 1958, № 11), переносят своего героя, советского физика Хромова, в начало XXII века, когда на всей планете давно уже восторжествовал коммунистический строй. Несмотря на традиционную фантастическую завязку (чудесный сон), этот роман увлекает читателя всесторонним и очень конкретным изображением науки и техники будущего. Отталкиваясь от достижений современной ядерной физики, электроники, кибернетики, химии высокомолекулярных соединений, авторы подробно описывают преображенные города, транспортные средства, удивительные машины будущего. Вместе с героем мы попадаем в научно-исследовательскую лабораторию, на постоянные искусственные спутники Земли, на Луну и на Венеру. Грандиозные научные опыты и работы, в которых принимает участие Хромов, завершаются блестящим успехом: термоядерное искусственное «микросолнце» растапливает льды Антарктиды, и люди приступают к освоению шестой части света.

Роман Ю. и С. Сафрановых интересен прежде всего в познавательном отношении. Технические достижения будущего изображены ярко и убедительно, чего не скажешь, к сожалению, о героях. Люди получились в романе схематичными, их повседневная жизнь, взаимоотношения, душевный мир остались почти не раскрытыми, и

этот недостаток, свойственный многим произведениям нашей научно-фантастической литературы, заметно обедняет роман. Слишком ограничены и языковые средства авторов. Но самый факт появления после «Туманности Андромеды» И. Ефремова этого интересного, при всех его недостатках, романа говорит о том, что советские писатели-фантасты смело берутся сейчас за решение самых актуальных, ответственных и трудных тем.

Наука в наши дни развивается так стремительно, что подчас за ней не может угнаться воображение фантаста. Если писатель не хочет впасть в узкий техницизм, он должен приучить себя мыслить широкими научными категориями и быть настолько образованным, чтобы разбираться в сложнейших проблемах современной науки. Даже ученые-теоретики не всегда бывают в состоянии осознать, какой физический смысл имеют некоторые новейшие научные идеи, представляющие, кстати сказать, для художественной литературы большой соблазн. Таково, например, предположение, высказанное еще в конце прошлого века известным австрийским физиком Л. Больцманом, о том, что во Вселенной имеются области, где время движется в направлении, обратном нашему. Это предположение позднее было подхвачено философами-идеалистами, в свою очередь вдохновившими буржуазных фантастов на создание книг, герои которых переносятся в «четвертое измерение» или на планеты, не подчиняющиеся общезначимым закономерностям.

На Западе также появляются романы, вульгаризирующие гипотезу о возможности существования миров из античастиц, использующие идею о прерывности пространства и времени и т. п. На этой почве часто создаются романы-фантазмагии, далекие от какой бы то ни было науки.

Несомненно, мы находимся накануне новой научной революции. По мнению многих ученых, положение несколько напоминает то, которое было в физике в десятих — двадцатых годах нашего века, когда бурный темп развития науки опережал способность самых передовых и смелых ее представителей уяснить физический смысл своих же собственных концепций. Выдающийся голландский физик Г. А. Лоренц даже высказывал сожаление, почему он не умер раньше, когда физическая картина мира представлялась такой ясной и законченной.

Погоня буржуазных романистов за сенсациями нередко приводит к тому, что читатели получают фантастические книги, построенные на догадках и предположениях, грубо искажающих действительный смысл тех или иных явлений. Советская научная фантастика идет по другому пути. Наши писатели не искажают в угоду авторской фантазии уже известные науке факты. Но и здесь бывает трудно предусмотреть, какие неожиданные открытия сулит нам завтрашний день. Кто мог предвидеть, скажем, возможность открытия явлений вулканической деятельности на Луне? Наблюдения ленинградского астронома Н. Козырева вносят поправки в современные космогонические представления. А между тем, если бы какому-нибудь фантасту вздумалось еще несколько месяцев тому назад изобразить извержение вулкана на Луне, автора не преминули бы обвинить в невежестве. А кому из фантастов пришло в голову описать «трассирующий» (наблюдаемый оптически с очень больших расстояний) полет межпланетного снаряда? Создание советскими учеными искусственной кометы — натриевого облака — наметило увлекательную возможность, имеющую важное значение для будущего астронавтики.

Реальные достижения и безграничные перспективы науки и техники в условиях Советского социалистического государства, великие задачи построения коммунизма в нашей стране, изложенные в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, открывают перед научной фантастикой поистине беспредельные возможности.

Из обзора советской научно-фантастической литературы за сорок с лишним лет ее развития можно заключить, что писатели-фантасты затронули в своих книгах не мало интересных и важных научно-технических проблем. Но несмотря на тематическое многообразие нашей фантастики, она заметно отстает от достижений и поисков современной науки, и в этом, пожалуй, ее главный недостаток.

Перспективы развития химии, биологии, медицины, радиоэлектроники и полупроводниковой техники, сельского хозяйства и ядерной энергетики, почти неизведанных отраслей знания, рождающихся на «стыках» различных наук, не говоря уж о новых представлениях о свойствах материи, времени, пространства, тяготения, — вот далеко не полный перечень тем, которые не получили еще вопло-

щения или едва только затронуты в советской научно-фантастической литературе. Но дело, разумеется, не только в пропущенных или слабо разработанных темах. Наша научная фантастика все еще отстает от растущих потребностей в увлекательных художественных произведениях, прививающих молодежи любовь к науке и веру в ее безграничные возможности.

«Пора усвоить, — писал М. Горький, — простейшую и очевидную истину, создаваемую трудом: чем дальше, тем все легче современная техника превращает вымыслы и домыслы, фантазии и гипотезы — в реальности, вооружающие человека в его борьбе за жизнь».¹

«В наши дни фантазия и воображение могут опираться на реальные данные научного опыта и этим безгранично усилить творческую мощь разума».²

Отсюда вытекает и непосредственная задача советской научной фантастики — быть впереди науки, будить воображение, звать вперед, увлекать молодых читателей в наше коммунистическое завтра.

¹ М. Горький. Собр. соч., в тридцати томах, т. 24, М., Гослитиздат, 1953, стр. 331.

² Там же, т. 27, стр. 108.

**АВТОРЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
УПОМЯНУТЫЕ В ТЕКСТЕ БРОШЮРЫ**

- Г. Адамов. Победители недр. — Тайна двух океанов. — Изгнание владыки.
- А. Беляев. Голова профессора Доуэля. — Борьба в эфире. — Человек-амфибия. — Вечный хлеб. — Человек, нашедший свое лицо. — Продавец воздуха. — Властелин мира. — Чудесное око. — Прыжок в ничто. — Воздушный корабль. — Звезда КЭЦ. — Зеленая симфония. — Город победителей. — Лаборатория Дубльве. — Под небом Арктики.
- С. Беляев. Истребитель 22. — Десятая планета. — Приключения Сэмюэля Пингля. — Властелин молний.
- В. Владко. Аргонавты Вселенной.
- К. Волков. Звезда утренняя.
- Г. Гребнев. Арктания (Тайна подводной скалы).
- Г. Гуревич. Иней на пальмах. — Подземная непогода.
- И. Ефремов. Алмазная труба. — Встреча над Тускаророй. — Атолл Факаофо. — Озеро горных духов. — Белый рог. — Тень миновавшего. — Звездные корабли. — Туманность Андромеды. Сердце Змея.
- В. Захарченко. Путешествие в завтра.
- В. Иванов. Энергия подвластна нам.
- А. Казанцев. Пылающий остров. — Арктический мост. — Полярная мечта (Мол Северный).
- Ф. Кандыба. Горячая земля.
- Л. Лагин. Патент АВ. — Остров разочарований. — Атавия Проксима.
- Н. Лукин. Судьба открытия.
- Б. Ляпунов. Мечте навстречу.
- Г. Мартынов. 220 дней на звездолете. — Каллисто. — Сестра Земли.
- В. Немцов. Семь цветов радуги. — Счастливая звезда (Альтаир). — Осколок солнца. — Последний полустанок. — Тень под землей. — Огненный шар. Золотое дно.
- В. Обручев. Плутония. — Земля Санникова.
- В. Охотников. В мире исканий. — Дороги вглубь.
- Л. Платов. Повести о Ветлугине (Архипелаг исчезающих островов. — Страна семи трав).
- С. Розвал. Лучи жизни.
- В. Савченко. Навстречу звездам.
- Ю. и С. Сафроновы. Внуки наших внуков.
- А. Студитский. Сокровище Черного моря.
- В. Сытин. Покорители вечных бурь.
- А. Толстой. Аэлита. — Гиперболоид инженера Гарина. — Союз пяти.
- Н. Томан. История одной сенсации. — Накануне катастрофы.
- Г. Тушкан. Черный смерч. — Разведчики зеленой страны.
- Б. Фрадкин. Тайна астероида 117-03.
- К. Циолковский. На Луне. — Грезы о Земле и небе. — Вне Земли.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Литература научной мечты	3
Научно-фантастические романы и повести двадцатых — тридцатых годов	7
Научно-фантастические романы и повести сороковых — пятидесятих годов	18
Авторы и произведения, упомянутые в тексте брошюры	46

Научный редактор
кандидат филологических наук
С. П. Шиллегодский

Редактор издательства *Г. С. Воробьев*

Техн. редактор *А. М. Гурджиева*

М 22076	Подписано к печати 12/II-59 г.
Ф. б. 84 × 108 ¹ / ₃₂	Объем 1,5 печ. л. Цена 90 коп.
Тираж 21000	Заказ 2179

Типография № 12 УПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Литейный пр., 55

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
23	15 снизу	окружающих	окружающей
36	14 сверху	фотографию	„фотографию“
•	9 •	галактики	Галактики
39	12 снизу	змеи	Змеи
41	15 •	...Андромеды“ „Сердце...	...Андромеды“ и „Сердце...

Заказ 2179

Цена 90 к.